

ISSN 1606-6251

# ВЕСТНИК

РОССИЙСКОГО  
ФИЛОСОФСКОГО  
ОБЩЕСТВА

4

2016

ISSN 1606-6251

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ  
ОБЩЕСТВО

# ВЕСТНИК

РОССИЙСКОГО  
ФИЛОСОФСКОГО  
ОБЩЕСТВА

4 (80)

2016

МОСКВА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**А.Н. Чумаков**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

**Л.Ф. Матронина**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Билалов М.И., Бирюков Н.И., Бучило Н.Ф.,  
Кацура А.В., Королёв А.Д., Крушанов А.А., Лисеев И.К.,  
Малюкова О.В., Павлов С.А., Порус В.Н., Пырин А.Г.,  
Салихов Г.Г., Сорина Г.В.**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

**Галимов Б.С., Драч Г.В., Кирабаев Н.С.,  
Кудашов В.И., Лешкевич Т.Г., Любутин К.Н., Мантатов В.В.,  
Мионов В.В., Перцев А.В., Стёпин В.С., Устьянцев В.Б.,  
Чумаков А.Н., Шермухамедова Н.А., Шестопап А.В.,  
Щелкунов М.Д., Яскевич Я.С.**

**«ВЕСТНИК Российского философского общества».**  
**4(80), 2016. – 176 с.**

Выходит ежеквартально с января 1997 г.

Адрес Президиума РФО и адрес для корреспонденции:  
**109240, г. Москва, ул. Гончарная, дом 12, строение 1, к. 205**

Адрес юридический:  
**119002, Москва, Смоленский бульвар, д. 20**

Банковские реквизиты для денежных переводов:

Получатель: Российское философское общество  
Банк получателя: ИНН 7704169045, КПП 770401001  
Филиал «Центральный» Банка ВТБ (ПАО) г. Москва  
р/с 40703810500390000079, БИК 044525411; кор. счет 30101810145250000411

Тел.: (495) 609-90-76 – *Главный ученый секретарь РФО*  
(495) 697-92-98 *Королёв Андрей Дмитриевич*

E-mail: [rphs@iph.ras.ru](mailto:rphs@iph.ras.ru)

Адрес в Internet: [www.dialog21.ru](http://www.dialog21.ru)  
[www.globalistika.ru](http://www.globalistika.ru)

*Подписной индекс в каталоге Роспечати 79643*

© Российское философское общество, 2016 г.

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>КОЛОНКА РЕДАКТОРА</b> .....	6
<i>Чумаков А.Н.</i> — Знаковые даты как повод к размышлению .....	6
<b>АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ</b> .....	11
Интервью с директором Института философии РАН, академиком РАН <i>А.В. Смирновым</i> для журнала «Вестник РФО» .....	11
<b>ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ФИЛОСОФИИ ЮНЕСКО</b> .....	26
<i>Омелаенко В.В.</i> — Философия российской истории Н.М. Карамзина (к 250-летию со дня рождения) .....	26
<i>Кефели И.Ф., Плебанек О.В.</i> — Советская культура как объект исследования .....	28
<i>Насибулина А.С., Соколов С.М.</i> — Всемирный День философии ЮНЕСКО в Бурятии .....	31
<i>Белкина Т.Л., Муסיнова Н.Е., Сидоренко Ю.И.</i> — Всемирный День философии в Костроме .....	33
<i>Науменко О.А.</i> — Всемирный день философии в национальном университете Узбекистана .....	34
<b>НАВСТРЕЧУ XXIV ВСЕМИРНОМУ ФИЛОСОФСКОМУ КОНГРЕССУ</b> .....	36
XXIV Всемирный философский конгресс «Учиться быть человеком» .....	36
<b>ИНФОРМАЦИЯ ИЗ ОТДЕЛЕНИЙ И ПЕРВИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РФО</b> .....	39
<i>Магомедалиева К.М.</i> — Дагестанское отделение в философских событиях года .....	39
<b>ВЕСТИ МОСКОВСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА</b> .....	41
<i>Лисеев И.К.</i> — Возрождая забытые имена .....	41
<i>Ковалёв Ю.А.</i> — Судьба Евразии .....	44
<b>СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ</b> .....	45
<i>Михайлов В.В.</i> — Московский экономический форум — 2016: впечатления участника .....	45
<i>Королев А.Д., Пырин А.Г.</i> — Пси-войны: Запад и Восток .....	47
<i>Подвойский Л.Я.</i> — Умберто Эко: автор и тексты .....	49
<i>Пырин А.Г., Королев А.Д.</i> — Лестница в небо .....	52
<i>Пырин А.Г., Шаракшанэ С.А.</i> — Развитие роботизации в России .....	54
<b>ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА</b> .....	57
<i>Кумари Рашии Джа.</i> — В интересах мира и безопасности .....	57

---

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА № 4 (80), 2016**  
ISSN 1606-6251

*Утверждено к печати Президиумом Российского философского общества*

Свидетельство о регистрации в Государственном Комитете Российской Федерации по печати № 016777 от 06 ноября 1997 г.

Подписано в печать 09.01.2017 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс.

Печ. л. 11. Тираж 2500 экз. Заказ № 1.

Отпечатано в типографии ООО «СиДиПрессАрт»  
125252, г. Москва, ул. Зорге, 15. Тел./факс (495) 640-49-91

---

## АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

---

### ИНТЕРВЬЮ

с директором Института философии РАН,  
академиком РАН А.В. СМИРНОВЫМ  
для журнала «Вестник РФО»

*Уважаемый Андрей Вадимович!*

- Прежде всего разрешите от имени Президиума РФО и Редакколлегии журнала «Вестник РФО» поздравить Вас с *избранием действительным членом Российской академии наук* и пожелать дальнейших успехов и плодотворной работы на благо отечественной науки.
- Еще одним важным событием стало *избрание* Вас ровно год тому назад *директором Института философии РАН*.
- Причем это совпало с тем, что немногим более года тому назад *Институт философии РАН переехал на новое место*.

Таким образом, поводов, чтобы обратиться к Вам за интервью, более чем достаточно. Широкой философской общественности и читателям журнала «Вестник РФО», в частности, будет интересно узнать Ваше мнение относительно происходящего в Российской академии наук, проблем и задач современной философии, организации работы большого творческого коллектива и, конечно же, о состоянии и перспективах развития отечественной философии.

Мы признательны Вам, что в своем плотном графике Вы нашли время для такого разговора; позвольте начать его с более общих вопросов. Поскольку первый вопрос слишком широкий, то достаточно будет только обозначить Вашу позицию в качестве отправной точки для последующего разговора на более конкретные темы.

— *Вопрос: Итак, как Вы оцениваете состояние современной мировой философии? Не находится ли она в глубоком кризисе, как о том немало говорится в последние годы?*

*А.В. Смирнов:* Этот вопрос не такой простой, как кажется, хотя бы потому, что здесь употреблено выражение «мировая философия». Что мы, собственно, понимаем под мировой философией сегодня? Мировая философия - это только западная философия, европейская, североамериканская, или мировая философия включает в себя те философские процессы, которые идут в крупных неевропейских регионах, или, как я их называю, цивилизационных материках? Это арабo-мусульманский мир, Индия, Китай. То, что происходит там, остается до сих пор не всегда хорошо известным, хорошо изученным и даже понятным для тех, кто воспитан в традициях европейской философии. Причин тут много. Дело не в том, что мы не хотим с этим знакомить-

ся. Дело прежде всего в трудностях объективного характера, трудностях перевода, как языкового, так и понятийного. У философии этих регионов другой тезаурус, другой цивилизационный контекст и т.д. Но если под мировой философией понимать европейскую, западную философию, то отчасти можно с Вами согласиться, что она находится в кризисе, причем в этом нет большого открытия, поскольку о кризисе говорят и сами философы.

Что может быть показателем такого кризиса? Скажем, самая острая, самая многообещающая научная проблема современности, которая напрямую соприкасается с философией, которая не может быть решена без философии – проблема сознания. Об этом говорят многие из тех, кто занимается нейронаукой. У нас нет хорошей теории сознания. Это то острое философской проблематики, в котором философия устремлена в будущее, в XXI век и дальше. Но пока не видно продуктивных, прорывных предложений со стороны философии, которые она могла бы, как говорится, «положить на стол», которые действительно стали бы отправной точкой для размышлений ученых. Скорее философия, если брать англо-американский мир, предлагает вариант, называемый физикалистскими, объективистскими теориями сознания. Это в основном – вариант современного позитивизма, то есть переказа философским языком тех данных, которые уже получили позитивные науки. Философия пока что не нащупала то, что она могла бы предложить в качестве новой парадигмы мышления, нового подхода к этой проблеме. Между тем, понятно, что проблема не может быть решена на старых путях, т.е. на путях фактически материалистической парадигмы, которая не может не господствовать в сциентистском сознании, в сознании учёных. Это сознание и не может быть другим, оно так или иначе опирается на эту парадигму. Но ведь понятно, что феномен сознания не может быть сведен к материальному субстрату, к состоянию носителя сознания. Проблема сознания и носителя сознания, она в тех или иных видах переформулируется в разных теориях. Естественно, что наука заходит со стороны носителя сознания, т.к. его можно исследовать, измерять, экспериментировать с ним, но проблема сознания на этих путях оказывается не решенной и не разрешимой, что и признается философией. Пожалуй, я бы сказал так: какой-то прорыв здесь мог бы быть достигнут на путях концептуализации того, что в русскоязычной традиции принято называть словом «смысл», «осмысленность». Сознание – это машина осмысленности. Конечно, эта машина имеет свой субстрат и в каком-то отношении зависит от него; точно так же изображение на экране вашего компьютера исчезнет, если вы отключите его от сети, и в этом смысле содержимое вашего экрана зависит от электрического тока и даже до некоторой степени коррелирует с безумно сложными электрическими потоками в процессоре, в чипах материнской платы и т.д. Но было бы бессмысленным пытаться понять, что представляет собой текст или

картинка на экране, исследуя поведение диодов и закономерности протекания электрического тока в цепях. Если сознание, как часто говорят, – это субъективная реальность, то ее невозможно ухватить через нейронный субстрат, какие бы обнадеживающие корреляции между одним и другим мы ни нащупали. Но если мы поймем, как работает эта «машина», генерирующая осмысленность, это будет гигантским шагом вперед. Такой прорыв, я думаю, может быть совершен здесь, в данном направлении. Это первое.

Вторая возможная точка роста. Надо всерьёз обратить внимание на западные философские традиции, пытаюсь их осмыслить не на путях редукции, т.е. не сводя их содержание к приемам мышления, к тем категориальным сеткам, к тому тезаурусу, который сложился на Западе, а пытаюсь проникнуть в их суть, в то, как они сами концептуализируют мир и по какой логике. Какие когнитивные приемы здесь задействованы, какие категории используются и как они связаны в единую сеть?

Сегодня в связи с проблемами глобализации вопрос стоит так же, как он стоял еще в XIX веке. Тогда его поставили наиболее чуткие философские умы. Означает ли глобализация распространение единых стандартов, выработанных западной культурой, на все человечество, или она может идти по другому сценарию, не унифицирующему человечество под единый шаблон? Идти по другому пути, который бы учитывал разную логику культур, различия в мировидении, их различное мироощущение, а не редуцировал бы их к доминанте, которая реализуется в ныне осуществляемом проекте глобализации. Это сложный вопрос. Встречные процессы идут, они сталкиваются. И у того, и у другого варианта глобализации есть свои защитники и сторонники. С одной стороны, немало сторонников глобализации как утверждения в планетарном масштабе некоего единого стандарта, который называют «общечеловеческим». Сторонники этой точки зрения есть и среди представителей интеллектуальных кругов, и среди масс и в мусульманском мире, и в Китае, и в Индии. Но всё же там очень и очень заметны концепции противоположного толка, т.е. попытки опереться на собственную интеллектуальную историю, понять себя, провести самоидентификацию, опираясь на собственные когнитивные структуры, которые выражают особое мировидение этих культур. Я думаю, что здесь заложена ещё одна точка роста, ещё один болезненный пункт, который, может быть, даже не ощущается до конца в западной философии. Столкновения здесь неизбежны. Вот только один пример. Известные события, связанные с ИГ, стали лишь внешним проявлением тех процессов, которые шли на протяжении как минимум второй половины XX века, а то и дольше. Это — постепенный массовый рост тяги к собственным моделям осмысления мира, к собственным когнитивным приемам и собственному устройству жизни. Оценивать феномен ИГ как «варварство» недостаточно, надо



понять, как оно стало возможным и почему остается до сих пор непобежденным. Без обращения не только к поверхностным политическим событиям последних лет (американская агрессия в Ираке 2003 года, рост иранского влияния в регионе и т.п.), но прежде всего к глубинным, массовым процессам, затрагивающим системы ценностей и логику их формирования, логику осмысленности мира для носителей этой культуры, мы ничего не поймем.

Таковы, я думаю, две точки возможных прорывов. Одна задает движение внутрь человека, обращена к его сознанию. А другая, наоборот, направлена вовне, к человечеству в целом. Между этими двумя точками — едва ли не весь спектр проблематики. Но они, как мне кажется, способны задать основные векторы движения.

— *Вопрос:* **Какие наиболее актуальные задачи стоят перед отечественной философией?**

*А.В. Смирнов:* Наша философия не есть нечто абсолютно отдельное от прочего мира, хотя, безусловно, есть и специфические задачи. Если мы хотим участвовать в мировом философском процессе, то мы, безусловно, должны к ним обращаться. Мы к ним и обращаемся.

Задача, которая обсуждается уже 150-200 лет — понять, что такое Россия. Это часть Европы, как говорят некоторые, это европеизированная Россия, говорят другие, это особая цивилизация, как говорят третьи. Или возьмите евразийство, евразийский проект в его классическом варианте 20-х годов XX века — Н.С. Трубецкой, Е.Я. Савицкий и прочие замечательные фигуры, среди которых были и такие, как Р. Якобсон. Это ведь собственное, самобытное течение русской философии, которое интереснейшим образом вобрало в себя конкретные науки и замысливалось как мировоззрение, которое должно было прийти на смену большевистской идеологии, поскольку, как тогда полагали, большевизм долго не продержится. Пока хорошего, глубокого осмысления классического евразийства у нас нет, как и подлинного, беспристрастного и поднимающегося над «партийными» (в ленинском смысле «партийности») философии — не надо питать иллюзий, мы недалеко от этого ушли) привязанностями обсуждения вопроса о том, что такое Россия и какова ее роль и судьба.

Остается задачей и осмысление катастрофического опыта России XX века, опыта бесчеловечности. Как можно жить после бесчеловечности? Как стало возможным *такое* расчеловечивание, и как быть нам — всем нам, кто несет на себе печать этой истории бесчеловечности? Как вновь обрести человечность? Этот вопрос, мне кажется, до конца по-настоящему не осмыслен не только в философии, но и в нашей культуре в целом. Может быть, это слишком болезненный опыт, ведь мы все через него прошли, мы знаем это не понаслышке, и он слишком разделяет нас на тех, кто «за», и тех, кто «против». Тем не менее, это остается задачей для отечественной философии.

И, наконец, особо можно выделить вопрос о том, что такое российская идентичность сегодня. Что значит «быть россиянином», как говорят одни, или «быть русским», как говорят другие? «Русским» не в смысле этничности, конечно же. Наша дальnozоркость проявляется в том, что мы хорошо видим то, что вдали, и плохо то, что вблизи. Говоря об отечественном опыте сосуществования разных конфессий, разных религий, его осмысливают сегодня теоретически в терминах мультикультурализма, т.е. на том теоретическом языке, который создан в западном мире. В этом языке нет ничего плохого, но он описывает другую реальность. Реальность не та, с которой мы имеем дело здесь, в России. Например, ислам пришел в Россию (в ее сегодняшних границах) раньше на 400 лет, чем христианство. Мы это забываем. Конечно, исламизированные районы тогда еще не были Россией, и тем не менее этот факт имеет значение, если мы рассматриваем его с сегодняшних позиций. Сосуществование мусульман и христиан, а также буддистов было острым и, безусловно, знало кризисы, но, тем не менее, Россия была, она состоялась, не развалилась, несмотря на катастрофические события, которые она пережила. Значит, было что-то, что держало народы вместе. Этот опыт до сих пор не осмыслен по-настоящему, не выработан теоретический язык для его описания. В этом наша дальnozоркость. Мы хорошо видим то, что далеко, но почему-то невнимательны к тому, что у нас «под рукой». Нас должно было бы интересовать это и с теоретической, и практической точки зрения. У нас уникальный опыт – и горький опыт бесчеловечности, и опыт мудрого сосуществования в рамках единой, хотя безумно разнообразной культуры, не унифицированной под единый «общероссийский» шаблон (это очень поучительно). Почему этот опыт не становится живительным источником подлинного философствования – такого, которое как воздух необходимо нам самим и которое могло бы быть действительно интересным для других?

Так я бы ответил на Ваш вопрос о существующих задачах отечественной философии. Но разговор об этих задачах не означает, что философы должны построиться рядами и разделиться на три группы, чтобы завтра дружно взяться за решение этих трех задач. Философия – это исключительно творческая и исключительно индивидуальная работа. Мы можем сформулировать задачи, но это не значит, что мы их формулируем как некую инструкцию для каждого конкретного философа. Философа нет без свободы и без чистого творчества, и попытка запрограммировать философию означает её уничтожение и умерщвление. Как найти этот тонкий баланс между общими задачами и творчеством философа – это уже задача организационная, для тех, кто занимается организацией науки.

— *Вопрос:* Три года назад началась реформа Российской академии наук. Можно ли считать, что она закончилась и каковы предварительные итоги этой реформы?

*А.В. Смирнов:* К сожалению, нельзя считать, что она закончилась. Она застыла. Что будет дальше? Пока не понятно. С моей точки зрения, те силы, которые инициировали реформу, концептуально исходили из того, что наука будет рыночным товаром, который должен производиться эффективно и который должен соответственно продаваться. А если продаваться, то он должен быть оценен потребителем. Идея состояла в том, что наукой можно управлять, как любой компанией. Идея внешне броская, но неправильная по сути. Управлять наукой, конечно, надо, но не так прямо. Должны использоваться какие-то косвенные механизмы управления. Пока что не ясно, куда пойдет реформа. Все институты переданы ФАНО. Действует система двух ключей: ключ в руках РАН и ключ в руках ФАНО. Если же в будущем ключ будет вырван из рук РАН, если финансирование науки, в частности, философии будет поставлено в зависимость от того, что решат некие внешние «комитеты», которые будут наделены полномочиями знать, что нужно государству от философии, а что не нужно (а такие проекты муссируются), – это будет путь к умиранию философии и науки в целом.

Философия и наука – это феномены культуры. У них есть традиции, корни, матрицы. Нельзя какую-то модель перенять у других и начать применять у себя только потому, что она кому-то очень понравилась. Чем идеология эффективного менеджерства, которому все равно чем управлять, то ли фермой, то ли супермаркетом, то ли академическим институтом, отличается от идеологии сознательного партийного руководства? Или идея взять да «переместить» всю науку в университеты. С ней который год носятся некоторые ответственные лица, под нее выделяются гигантские средства. Да, в США философия преподается и разрабатывается в основном в университетах. Но чтобы это сделать у нас, нужно, чтобы и университеты стали такими же, как в США. Для этого потребуется как минимум несколько поколений. А главное, зачем? В чем смысл? Непонятно: вместо того, чтобы развивать собственную модель, мы берем американскую и пытаемся в нее с ходу впрыгнуть. Нелепость. Китай идет собственным путем, неуклонно наращивая свое присутствие в мировом научном пространстве. Но ведь в основе китайской модели организации науки лежит советская модель, и она успешно развивается. Тут важен и вопрос финансирования. У нас финансирование фундаментальной науки безумно низкое по сравнению даже с бедными странами ЕС (например, Грецией периода недавнего, всем памятного кризиса). Речь не об абсолютных цифрах, а о проценте от ВВП. Это касается науки в целом. РАН же не получает и четверти всех затрат на науку в России. При таком финансировании надо сказать спасибо нашим учёным, что они остаются преданными своей профессии.

— *Вопрос:* В октябре этого года состоялись самые масштабные за всю историю академии выборы в Российскую академию наук. В це-

лом по Академии суммарное число избранных членов-корреспондентов составило 323 человек, а академиков – 176. К этому числу надо прибавить еще и 63 вновь избранных иностранных члена. Философы же могли принять в них участие только по одной вакансии – академика, тогда как для членов-корреспондентов и вовсе не было выделено ни одной вакансии. Не было таких вакансий ещё только у психологов и социологов. И это при том, что во многих других отделениях число вакансий измерялось многими десятками. У медиков же это число и вовсе было запредельным: так, только новых членов-корреспондентов они избирали по 113 (!) вакансиям, и по 48 (!) вакансиям академиков. **Как объяснить такой перекос и невнимание к гуманитарным наукам?**

*А.В. Смирнов:* Это вопрос скорее к руководству РАН, но принцип был таков: распределение вакансий в пределах секции. Вакансии распределялись по числу ушедших членов академии, т.е. по числу вакантных мест. Принцип понятный. Справедливо – несправедливо, это другой вопрос. Думаю, что скорее справедливо. Повлияло и слияние трех академий: РАН, РАМН и РАСХН. И мед. академия, и сельхоз. академия были большими, в результате изменился баланс в составе нынешней «большой» академии. Поэтому бросается в глаза количественное увеличение академиков и член-корреспондентов по медицинским и сельскохозяйственным наукам. Но вакансии были выделены строго по числу высвободившихся мест в пределах каждой секции. С этой точки зрения всё было справедливо.

— *Вопрос:* Ну, и сразу второй, тесно связанный с этим вопрос. Понятно, что общее число вакансий определяется госбюджетом, т.е. этот вопрос решается за пределами Академии. Но ведь конкретное распределение вакансий по отделениям – это уже прерогатива самой Академии! **Так какова же в этом случае ответственность самой Академии наук, академического сообщества?**

*А.В. Смирнов:* Да, правильно. Общее число членов РАН зафиксировано в законе и не может быть увеличено. Внутри Академии – это действительно прерогатива руководства РАН. Но надо учитывать и гигантский масштаб РАН, где всегда есть место столкновению различных интересов, между которыми непросто найти баланс. Любая наука хочет себя выдвинуть вперед. Надо учитывать и то, что это были первые выборы после слияния трёх академий. А слияние – это очень болезненный процесс. Академия увеличилась численно почти в два раза. Всегда Российская академия наук отличалась внутренней спаянностью, слаженностью. Она всегда занимала определенную позицию, несмотря на давление со стороны власти. Это была общественная позиция Академии, у неё были свои традиции. При слиянии необходимо было удерживать, сохранить эти традиции, не допустить внутреннего раскола в самой Академии. Такова была первостепенная задача, которая стояла перед руководством Академии. Поэтому стра-

тегия была выбрана правильная, на мой взгляд, хотя она может кому-то с точки зрения частных интересов показаться несправедливой. Но с точки зрения всей Академии это было правильно.

— *Вопрос:* Поскольку члены-корреспонденты уже являются членами Академии наук, то избрание их академиками можно рассматривать как внутриакадемическое изменение их статуса. Получается, что приток новых сил, обновление Академии наук происходит за счет выборов новых членов-корреспондентов (или если кого-то выбирают сразу академиком, минуя первую ступень, что, хотя и редко, но случается). Принимая во внимание, что последние выборы проходили после пятилетнего моратория (они не проводились с 2011 г.), а следующие выборы будут только через два-три года, то выходит, что академическое сообщество философов, социологов, психологов в течение 7-8 лет не пополнится ни одним новым членом. **Что можно сказать по этому поводу и как, на Ваш взгляд, это повлияет на развитие упомянутых отраслей гуманитарного знания?**

*А.В. Смирнов:* Это тонкий момент – соотношение между общими интересами и нашими философскими интересами. Если рассматривать ситуацию с нашей точки зрения, то, конечно, такое маленькое представительство философов может рассматриваться как резерв для увеличения. Сейчас осознается серьезность проблем, стоящих перед Россией. Их решение невозможно без философии, без осмысления того, кто мы, что мы и куда идём. Если просто взять чужую экономическую модель и применить её у нас (мол, она универсальная и у нас будет прекрасно работать), то ожидаемого результата мы не получим. В этом смысле наши китайские друзья поступили гораздо мудрее, осуществив медленное, постепенное движение от догматического марксизма к современной версии конфуцианства. Это произошло за 20-30 лет. Этот путь, хотя и медленный, оказался очень эффективным. Без осмысления своей внутренней культуры у нас ничего не получится. Культура – это не просто учреждения, театры, библиотеки и т.д. Культура – это внутренний облик человека, его мировоззрение, его ценности и идеалы, то, как он себя ведет, это его отношение к другим людям. Вот что такое культура. И это невозможно осмыслить без философии. Все это верно, и с этой точки зрения можно говорить об определенной недооцененности философии, да и гуманитарных наук в целом, в рамках Академии.

— *Вопрос:* После того, как В.В. Путин поднял вопрос об избрании в Академию тех, кто находится на государственной службе, в средствах массовой информации поднялась волна критики относительно такой практики. Но ведь членов академии никто не принуждал делать свой выбор. **Как вы относитесь к данной проблеме?**

*А.В. Смирнов:* Да, в СМИ муссировался вопрос, о котором Вы говорите. Но журналисты забыли сказать, что из двадцати пяти канди-

датов того рода, о котором идет речь, только половина была избрана. Значит, и здесь был отсев, и выбирали вовсе не за государственный пост, а за вклад в науку.

— *Вопрос:* Возвращаясь к реформе Академии наук. К сожалению, она не затрагивает кардинальных проблем гуманитарного знания и не меняет бедственного положения общественных дисциплин в целом. Достаточно сказать, что если в самой Академии наук общественные дисциплины и философия, в частности, занимают более чем скромное положение на фоне естествознания и других наук, то в отделениях РАН (Дальневосточном, Сибирском и Уральском) они и вовсе отсутствуют или являются редкими исключениями. **Быть может нам стоило бы присмотреться к опыту китайских коллег, у которых не одна, а две академии наук (Академия естественных наук и Академия общественных наук)?**

*А.В. Смирнов:* Действительно, можно было бы уделять больше внимания и философии на местах по всей территории России. Если там не будет философии, значит, её не будет в России. Тут можно было бы перефразировать известное высказывание: «Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую». Кормить свою армию мы научились. Но почему-то не осознали, что стратегия импортозамещения необходима и на идейном поле. Это не значит, что мы должны отгородиться стеной от философской и научной мысли других стран. Нет, конечно. Но открытость миру как раз и означает, что в гуманитарной области мы должны научиться говорить на своём языке, вырабатывать свой концептуальный язык. Описывать те явления, с которыми сталкиваемся или столкнёмся в ближайшее время, на адекватном им языке, исходя из их характера, а не использовать всякий раз чужие модели, искореняя собственную мысль. Пока мы не научимся по-настоящему развивать свои философские школы, мы останемся заложниками чужой философии. Сейчас уже осознано, в том числе на высшем уровне, что без собственной культуры, без собственного мировоззрения, без самоидентификации не может быть сильной России. Это невозможно сделать, не сделав её сильной культурно, в том числе или даже прежде всего – в смысле самопонимания. Что касается «отдельной» Академии общественных наук по примеру Китая, то я не сторонник такой идеи, особенно сейчас. Хватит реформ, слияний и разделений: этот реформаторский угар становится для определенной части чиновничьей касты каким-то смыслом жизни. Как будто бы, если год прожит без переименований и реструктуризаций, то он прожит зря. Сегодня нам лучше быть вместе. Если мы будем разделять Академию на академию по естественным наукам и академию по общественным наукам, то мы многое потеряем. В Китае, как мне кажется, есть и плюсы в организации науки, но есть и минусы. Когда то или иное подразделение выделено за пределы «большой» Академии, то

получается двусмысленное положение. Если идти по этому пути дальше, то можно создать и академию математических наук, и т.д.

— *Вопрос:* Недооценка гуманитарной сферы, если не сказать больше – неуважение к гуманитарному знанию – это, к сожалению, общая тенденция, которая проявляется не только в РАН, но и в высшей школе, где гуманитарные кафедры (философии, социологии, психологии) закрываются, в лучшем случае – сливаются с другими. В данном отношении нельзя не отметить и факт присоединения Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) к Российскому фонду фундаментальных исследований (РФФИ). **Как противостоять этой тенденции? Могут ли гуманитарии что-то сделать, чтобы поправить ситуацию?**

*А.В. Смирнов:* То, о чём Вы говорите, – это реакция на то продавливание схематизированной идеологии, не имевшей никакого отношения к философии, которое имело место в советское время. Конечно, такое продавливание вызывало определенный осадок у представителей конкретных наук. Некоторые из них до сих пор считают, что философские рассуждения не имеют никакого отношения к делу. Более глубокие ученые, изучая свой предмет, сами начинают философствовать. Поэтому огульное закрытие кафедр – это ещё один пример нашего неумения дорожить своими наработками. Искоренить, сравнять, распахать поле и посеять заново – может быть, так можно делать с однолетними злаками. Но если вы будете каждый год выкорчевывать лес и сажать его снова, то у вас никогда не будет леса. А культура и наука – это лес, а не однолетнее поле пшеницы или ржи. И выращивать его надо бережно, не вытаптывая, не приезжая туда на тракторе. Это приведёт к тому, что мы опять будем маргинализированы. Если раньше эта угроза маргинализации была следствием идеологических ограничений, то сейчас мы сами себя маргиналируем, не распознавая в философии школу мышления, необходимую любому ученому.

— *Вопрос:* Теперь о делах сугубо философских. Немногим более года назад Институт философии переехал с Волхонки на Гончарную. **Как сказался этот переезд на работе института? Завершился ли период адаптации на новом месте?**

*А.В. Смирнов:* Наверное, надо спросить об этом прежде всего сотрудников института. Но думаю, что период адаптации действительно завершился. Конечно, это был грустный момент расставания. Здание на Волхонке было, безусловно, музейным объектом, пропитанным отечественной историей мысли. И вот оно фактически лишилось своего музейного статуса, поскольку было присоединено... к музею. Один из парадоксов российской действительности: новый музей на останках музейного здания. Опять новый лес посадили? Но что случилось, то случилось. Мы сейчас в этом здании, мы уже к нему при-

выкли и обжились в нем. Научная активность в новом здании ничуть не ниже, чем была на Волхонке, публикационная активность не ниже. Здесь у нас продолжает работать своё издательство. Семинары действуют, книжки издаются. Число журналов у нас даже увеличилось. Конференции, симпозиумы, всё это идет в прежнем темпе. Мы стали более открытыми и доступными: наши научные мероприятия почти все можно посмотреть в прямом эфире на YouTube или позже там же в записи. Развиваем нашу открытую электронную библиотеку. Запустили ряд проектов, таких, как «Анатомия философии», выходящих в публичную сферу, ещё раньше, до переезда, но развернулись мы именно здесь. Мы читаем публичные лекции в библиотеках, открытые лекции, с тем, чтобы философия выходила в широкое интеллектуальное пространство. Так что мы уже год прожили, и это самое главное. Будем и дальше обживать это здание и делать его своим философским «намоленным» местом.

— *Вопрос:* **Ровно год назад Вы стали директором Института философии РАН. Что удалось сделать за это время и что сегодня Вас беспокоит больше всего? Какие первоочередные и долгосрочные задачи стоят сегодня перед коллективом института?**

*А.В. Смирнов:* Больше всего меня беспокоит наше будущее в связи с той неопределенностью, в которой мы находимся. Я считаю, что моя главная задача, о чём я говорил и на выборах, – это сохранить наши традиции, т.е. дух свободы, свободного творчества и уважения к чужому мнению. Это – основа основ. Философия невозможна без свободы и творчества, философия невозможна в условиях диктата со стороны кого бы то ни было, со стороны зав. сектором, директора или зам. директора. Поэтому главная моя задача – сохранить эти условия, т.е. сохранить ту традицию, которая сложилась, когда директором был академик В.С. Стёпин, а затем академик А.А. Гусейнов. А ведь это – более четверти века, 27 лет, для кого-то – вся или почти вся жизнь в институте. Но было бы большой ошибкой пытаться удержать традиции, консервируя текущее состояние дел, каким бы хорошим оно ни казалось. Сохранить можно, только наращивая и развивая, и даже по необходимости меняя. Моей задачей является поддерживать и углублять контакт между директором и заведующими секторами, который у нас всегда был, поскольку первичная ячейка, где проходит жизнь института, – это сектор. Я в этом уверен, это моё кредо. Сектор – это тот коллектив, где свободное творчество каждого отдельного философа «вдруг» оказывается соотносено с общим движением, общим интересом, общими планами. Сохранить и обеспечить это «вдруг» – задача и каждого заведующего сектором, и директора. Только тогда институт останется тем, чем он является сегодня – удивительным, уникальным местом свободы, дающим возможность всем участвовать в общем движении вперед. А связать сектора в единый



коллектив – это уже задача именно директора. Наверное, это – самое трудное.

— *Вопрос*: Вполне очевидно, что основные направления исследований в Институте философии заданы уже самой структурой философских знаний (онтология, гносеология, социальная философия, этика и т.п.). Однако в последнее время под влиянием глобализации и все возрастающей глобальной взаимозависимости, в мире в целом, а в нашей стране в особенности, интерес к Востоку и восточной философии, усиливается. Иными словами, речь о том, что мы должны лучше знать не только, например, конфуцианство, буддизм, даосизм или джайнизм, но и исламские, арабо-мусульманские и иные направления восточной философии, которые в нашей философской традиции представлены, к сожалению, слабо. **Поскольку сфера Ваших профессиональных интересов тесно связана с упомянутыми направлениями философской мысли, отразится ли это как-то в исследовательских приоритетах института?**

*А.В. Смирнов*: Не думаю, что было бы правильно, если бы мои личные исследовательские интересы целиком задавали научную программу нашего института. Вместе с тем я не могу, конечно же, абстрагироваться от своих взглядов, полностью вывести их за скобки. Но в том отношении, о котором Вы говорите, и не нужно ничего существенно менять. И при акад. В.С. Стёпине, и при акад. А.А. Гусейнове исследование незападных философских традиций занимало очень заметное место в наших научных планах, они всегда поддерживали профессиональное (это очень важно) исследование незападных философских традиций. Это видно хотя бы по той доле статей, которые написаны для «Новой философской энциклопедии», где дано глубокое, системное описание китайской, индийской, арабо-мусульманской философских традиций. Статьи ведь не просто так появляются: это большая редакторская работа, планирование со стороны ответственных редакторов НФЭ. В Большой российской энциклопедии, к примеру, этого сделано не было, и описание незападных философий там осталось в целом на старом уровне. В других крупных общепланетарных проектах исследования незападной философии также занимали важное место. Если возьмёте учебник «История этических учений» под редакцией А.А. Гусейнова, который вышел пару лет назад вторым изданием, то увидите, что на равных с античностью, западным средневековьем и т.д. в нём выделены незападные традиции: арабо-мусульманская, Китай, Индия.

Здесь надо иметь ввиду, что изучение этих философских традиций – это дело сложное, т.к. требует междисциплинарности, соединения востоковедческой квалификации и философских знаний. Именно их органического соединения. При этом востоковедение уже само по себе является междисциплинарной направленностью. Часто спрашивают, что такое востоковедение, является ли оно наукой? Есть, мол, фило-

софия, история, социология и т.д., а что такое «востоковедение»? Со всем недавно было принято сохранить в России востоковедение как самостоятельное направление подготовки в вузах, выделив его как укрупненную группу специальностей, и стоит вопрос о том, чтобы внести его в номенклатуру научных направлений. И это правильно. Наконец-то можно с чистым сердцем поздравить Минобр с точным решением. Востоковедение – это междисциплинарное знание, которое работает на стыке и синтезе филологии, истории, философии, религиоведения и ряда других наук. Статус востоковедения как самостоятельной науки и его синтетический, междисциплинарный характер вытекает из того, что востоковедение – конечно, всегда в какой-то из его конкретных ипостасей, будь то арабистика, китаистика, японистика и т.д. – это изучение той культуры, к которой сам исследователь не принадлежит, где он не имеет интуитивной подсказки, где он не может опираться на интуицию. В собственной культуре мы этого не замечаем, мы даже не осознаем, насколько такие интуиции важны и как они определяют, среди прочего, наши научные взгляды. Это отсутствие опыта проживания в изучаемой культуре, отсутствие интуитивного узнавания и интуитивной понятности необходимо компенсировать комплексностью знания и его синтетическим характером. Это не просто набор дисциплин, положенных в разные ящички нашей эрудиции, это именно сплав, т.е. что-то новое, качественно другое, нежели исходные ингредиенты. Так что изучение незападных философий требует очень серьезной, многолетней профессиональной подготовки, гигантского труда и многолетнего опыта. Это очень непростая вещь.

— *Вопрос:* В Институте философии на постоянной основе работает серия интересных научно-исследовательских семинаров. Одним из них является проводимый с 2000 г. на базе Института философии РАН и Президиума РФО ежемесячный междисциплинарный философско-методологический семинар «Проблемы глобалистики». Внутри сектора био- и экофилософии многие годы активно работает исследовательская группа, именуемая «Философские исследования глобализации». **Учитывая все возрастающую актуальность данной проблематики и её значение для решения практических задач, не видите ли Вы возможность активизации работы в данном направлении, быть может, и путем создания какой-то иной организационной структуры?**

*А.В. Смирнов:* Мне трудно сказать. Эта инициатива должна исходить от самих исследователей. Я не думаю, что администрация может принять какое-то чудодейственное организационное решение. Здесь нужна серьезная научная дискуссия. Какие сценарии глобализации возможны? Мы наблюдаем сегодня массовый подъём антиглобалистских устремлений. Это нужно исследовать, это одна из насущных задач философии. Да, философия – вечная наука, она занимается вечными вопросами, но эти вечные вопросы следует ставить и в отноше-

нии к повседневности. Вопросы о том, что такое сознание, что такое логика, что такое логика культуры. Это чисто теоретические вопросы, но они имеют непосредственный практический выход. Как могут выстраиваться процессы глобализации? Часто говорят, что альтернативы ей нет. Глобализация, мол, – как дождь, он идёт себе независимо от нашего желания, и нам остаётся только научиться пользоваться зонтиком. Так это или нет? Возможны ли другие проекты глобализации? Вот что было бы интересно исследовать, с моей точки зрения.

— *Вопрос:* Одним из результатов реформы РАН стало требование к научным сотрудникам Академии активно пропагандировать научные знания среди широких масс населения. **Как Вам видится реализация данной идеи и какую роль в этом деле могло бы сыграть сотрудничество Института философии РАН и Российского философского общества (РФО)?**

*А.В. Смирнов:* Я думаю, что, конечно, нужно пропагандировать, распространять научные и философские знания. Это, если хотите, нужно начинать едва ли не с детского сада. Например, есть такое направление – «философия для детей». Следует использовать разные формы просвещения и популяризации. Правда, среди них есть и такие, к которым многие относятся настороженно. Например, философские комиксы. Имеют они право на существование или нет? С одной стороны, если они существуют, значит, уже имеют право. С другой стороны, нужно к этому присоединяться или не нужно, и где та грань, перейдя которую мы потеряем саму философию? Только очень большие, настоящие философы могут решить эту проблему – я имею в виду популяризацию философии. Ведь не так уж трудно говорить сложным языком, понятным одним философам. Но очень сложно говорить по-настоящему просто и при этом по существу, так, чтобы показать, что ты можешь сказать что-то действительно важное для других, что ты заметил то, мимо чего прошли другие и что дает мысли новое направление.

Чтобы сделать философское знание широкодоступным и, главное, востребованным, нам стоит продвинуться в решении тех задач, о которых я говорил вначале. Что такое сознание? Что такое культура? Что такое самоидентификация? Что такое Россия? Каково ее место в мире? Что происходит в мире сегодня? Я думаю, что эти темы интересны для публики, для масс. Сами по себе эти направления вытягивают целый ряд производных тем. Поэтому здесь есть перспективы для движения вперед. РФО, журнал «Вестник РФО», российские философские конгрессы играют свою незаменимую роль. Это очень важная роль, необходимая для того, чтобы развивалось российское философское сообщество.

— *Вопрос:* Институт философии РАН и РФО, работая на разных площадках, решают во многом схожие задачи. Так, мы совместно

проводим Российские философские конгрессы, научные конференции, Дни философии ЮНЕСКО, участвуем во Всемирных философских конгрессах, есть примеры совместных публикаций и т.п. **Как Вы оцениваете уровень этого сотрудничества? Видите ли новые возможности и перспективы его укрепления и расширения?**

*А.В. Смирнов:* Что касается РФО, то я не так хорошо знаю ситуацию изнутри, т.к. никогда не входил в руководящие структуры этого общества. Как Вы сказали, это важная структура. Взаимодействие с философским сообществом – это тоже важно. Но давайте вспомним старую, советских времен шутку Жванецкого: «Мы уже перегнали всех по числу врачей, теперь отстать бы по числу больных». С количественной точки зрения мы нередко доминируем на международных конгрессах. Я надеюсь, что мы нарастим соответственно и свой философский потенциал, чтобы если не обогнать, то хотя бы приблизиться к ведущим философским державам мира. Здесь есть над чем работать. Мы будем заметны и интересны на международной философской арене, если будем говорить на своём языке о тех проблемах, которые мы действительно знаем и чувствуем лучше других, в решении которых мы можем сказать свое слово. Тогда, я думаю, мы действительно представим что-то универсально интересное. Вторичные вещи (пересказ чужих мнений) могут быть интересны внутри страны, но они малоинтересны на международной арене. Уже устоялись определенные ассоциации, например, англо-американский мир – «аналитическая философия». «Постмодернизм» – это прежде всего Франция. А что Россия? Между тем у нас прекрасное наследие, замечательные школы и хорошие достижения в различных отдельных областях философии. В общем, обнадеживающий задел. Давайте работать, опираясь на него.

— *Вопрос:* В заключение. **Как Вы оцениваете роль и место «Вестника РФО» среди других философских журналов? Что бы Вы пожелали его читателям?**

*А.В. Смирнов:* Не бояться говорить на своем языке. Что касается «Вестника РФО», то он вполне сложился, у него есть свой профиль, своё лицо, он не подделывается под чужие стандарты. Дает известия с мест, хронику. Важно, что в «Вестнике» мы напрямую слышим голоса с мест. Это очень важно. Я бы хотел пожелать «Вестнику» действовать и дальше в этом направлении.

— Благодарим за содержательные ответы.

В беседе участвовали:  
д.ф.н., проф. **А.Н. Чумаков**,  
к.ф.н., с.н.с. **А.Д. Королев**,  
д.ф.н., проф. **А.Г. Пырин**